

УДК 821.161.1–3

ОБРАЗ МИРА В ПРОЗЕ В. БОГОМОЛОВА: СИСТЕМА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ АНТИНОМИЙ

Светлана Викторовна Бурдина

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, ул. Строителей, 34 а, кв. 55. swburdina@rambler.ru

Иван Валерьевич Бурдин

студент кафедры романской филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Пермь, ул. Строителей, 34 а, кв. 55. burdin@ro.ru

В статье делается попытка взглянуть на творчество самобытного пермского автора В.Богомоллова через систему художественных антиномий: воссоздаются модели преломления «вечных» оппозиций русской литературы в малой прозе писателя, выявляется их значимость, наполнение, уникальность. Показывается переосмысление архетипа «отцы и дети» в творчестве прозаика, рассматривается взаимодействие традиционного и специфического в решении другого «вечного» вопроса – «город или деревня». Исследуется основная, наиболее важная для художественного мира В.Богомоллова оппозиция, в полной мере выявляющая эволюцию взглядов художника, вписывающая его творчество в духовное пространство современной русской литературы, – «вера и безверие».

Ключевые слова: В.Богомоллов; рассказ; «деревенская проза»; образ мира; художественные антиномии; архетип; традиция; вера; духовность.

«Деревенская» проза, будучи в силу своей специфики всецело продуктом XX в., была тем не менее не настолько новым для русской литературы явлением. Корни ее уходят не в «колхозную литературу» соцреализма, как это принято было считать, а в недеревенскую дворянскую литературу XIX в. и связаны с такими именами, как Тургенев, Некрасов, Лесков, Успенский и др. Можно сказать, что «деревенская» проза XX в. стала итоговым – по отношению ко всей линии развития Деревни в русской литературе – явлением, возникшим в специфической ситуации «раскрестьянивания» традиционно аграрной страны, т.е. в ситуации исчезновения деревни. И тем не менее даже с уходом Шукшина, Абрамова, Астафьева и других представителей «деревенской» прозы 1960 – 1970-х гг. направление это не исчезло совсем, просто изменилась сама его природа. Сегодня оно представлено такими писателями, как Дмитрий Ермаков, Олег Селедцов, Николай Епихин. К этому же направлению можно отнести и творчество пермского писателя Виталия Богомоллова.

Обратившись к творчеству В.Богомоллова, сложно пройти мимо одной интересной особен-

ности, которая объединяет фактически все произведения писателя. Почти все повести и рассказы В.Богомоллова воссоздают мир через призму явных или скрытых оппозиций. Таково уж своеобразие творческой манеры этого автора. Именно эти противопоставления, порой, может быть, слишком прямолинейно преподнесенные читателю, помогают раскрыть авторскую позицию, провести отчетливые границы между добром и злом, светом и тьмою, небом и землей, духовным и материальным в жизни человека. Важно отметить, что художественные антиномии нередко становятся у В.Богомоллова и структурообразующим фактором его произведений, т.е. именно они организуют сюжет отдельной повести или рассказа.

Давно известно, что писатели-«деревенщики» в своих рассказах противопоставляют город деревне, городского человека деревенскому. В прозе В.Богомоллова, конечно, тоже есть такие противопоставления. Но акценты в традиционных оппозициях расставляет уральский писатель совсем иначе, не так, как это делал, например, В.Шукшин, главным у которого всегда была обида за деревню, за деревенского человека, или В.Белов.

И для В.Шукшина, и для В.Белова городские и деревенские – люди разных миров. «Деревенскому в городе – без корней, без того донного существования, которое и спасало в самые лютые години, – сопротивляться невозможно» [Белов 1989: 6], – убежден В.Белов.

У В.Богомоллова акценты изначально расставлены иначе, ответ на основной для «деревенской» прозы или же «тихой» лирики вопрос «город или деревня» он не склонен формулировать однозначно, «вечное» противостояние городского и деревенского пространства не воспринимается им как жесткое и обязательное, наоборот, автор, пожалуй, даже стремится снять эту бескомпромиссность выбора. В.Богомоллов разграничивает городского человека и деревенского только по мироощущению. По внешности своей и по уму деревенский житель не отличается от городского. Герою рассказа «*Деревушка на маршруте*» «...было приятно думать, что вот он, деревенский человек, комбайнер, нисколько не отличается по одежде от горожан, что в свои 35 он одет вполне современно: шапка, полушубок, теплые импортные сапоги» [Богомоллов 2008а: 119].

Более того, человек у В.Богомоллова всегда совмещает в себе два начала: городское и деревенское. Наверное, такая позиция прозаика обусловлена в первую очередь его собственным мироощущением. В.Богомоллов родился и вырос в деревне и, хотя давно уже живет в Перми, связан с деревней множеством неразрывных нитей.

В связи с этим интересно обратить внимание и еще на одну особенность прозы В.Богомоллова. Город в его рассказах мы всегда видим глазами жителя деревни. Интересно, что городу, его описанию, писатель отводит не так уж много места, в то время как описания деревни встречаются довольно часто. Богомолловский образ деревни светлый, чистый, непорочный: «родные с детства просторы», «спокойная деревенская жизнь», «дали ясные, прозрачные», «небо нежного цвета», «воздух пахучий», «жизнь – счастливый подарок».

Город у В.Богомоллова всегда изображается через противопоставление с деревней. В рассказе «*Деревушка на маршруте*» выражением авторской позиции служит образ Димы Батракова. Вот как его герой размышляет о городе: «Квартира друга не удивила Диму благоустройством, он доказывал, что его деревенская изба по удобствам мало уступает Володькиной квартире: водопровод есть и канализация есть. Какая разница, что самодельные, служат-то исправненько... С улицы доносился шум: то трамвай загрохочет, то, набивая скорость, троллейбус загудит натужным мотором, да и машины слышно было, как

бегают. Он подумал, что плохо здесь с непривычки, а у него в избе, особенно зимой – тишина ночью гробовая» [Богомоллов 2008а: 120–121].

Идеальному деревенскому человеку, образу, через который автор выражает свою позицию, как правило, у В.Богомоллова противопоставлен другой человек. Так, Диме Батракову противопоставлен сосед Петро, а Лешке Гусеву из рассказа «*Цветной портрет*» – Юрка. Петро, как и Дима, – человек деревенский. Но разница в том, что Петро задавлен бытом, он не умеет мечтать, радоваться, как Дима. Только Петро появляется, он начинает рассказывать про крыс, которые истребили у него морковь, в то время как Дима рассказывает своей семье о полете. А когда Петро узнает, что Дима летал на самолете, чтобы увидеть родную деревню, то говорит: «У тебя деньги-то лишние что ли?» [там же]. Все радости жизни Петро меряет на деньги.

В рассказе «*Цветной портрет*» Юрка и Лешка – выходцы из деревни, но оба живут в городе. Лешка Гусев не поддался влиянию города, он остался таким же добрым и открытым. Раскрывает его характер сцена в магазине. Лешка зашел купить водки, но увидел детские тапочки и вспомнил, что у его дочери нет тапочек. «И как-то забылось про водку» [Богомоллов 2008а: 132] – купил Лешка тапочки для дочери. Характер же Юрки представлен в следующих строчках: «Юрка на все отзывался небрежно, грубовато, словно желая тем внушить, что ему здесь подвластно все, прямо настоящий половецкий хан Кончак, как он захочет, так и будет» [там же: 138]. По В.Богомоллову, человек, попадая в город, начинает чувствовать за собой безграничную власть, нередко теряет все нравственные ценности. В этом рассказе авторская позиция передается через образ Лешки. Несмотря на бытовые будни своей жизни, этот герой так и остался романтиком.

Вспомним, что особенно актуален для «деревенской» литературы мотив возвращения в отчий дом, отсылающий к древнейшему архетипу. Исторически являясь местом появления человека на свет, его становления, средой его бытия, дом совершенно естественно воспринимается в большинстве культур как организующий центр мира. Противостоя дороге, стихии и тоске – пространству разомкнутому, открытому, дом воплощает строй жизни, стабильность, порядок. Структурируя согласно своему устройству жизнь человека в этом мире, дом и сам является своеобразной моделью мира.

В художественном мире многих писателей «деревенщиков» символика дома традиционно сопрягалась с представлениями о душевной гармонии, о ладе и любви. Рассказ о доме в русской

литературе – это почти всегда окрашенный грустью рассказ о доме, которого уже нет, нет как здания (это первое словарное значение слова), или нет как его обитателей (третье словарное значение по СРЯ). Кстати, с этой точки зрения показательным является название одной из последних книг В.Богомоллова – «*Поездка на исчезающую родину*».

Мотив возвращения домой (вечно новая Евангельская притча о возвращении блудного сына в родительский дом) постоянно встречается в рассказах В.Богомоллова. Не случайно одной из важнейших особенностей сюжета у прозаика является следующая: где бы действие не начиналось, оно всегда заканчивается в деревне. В рассказе «*Деревушка на маршруте*» Дима Батраков в начале повествования находится в деревне, потом едет в город, а в финале рассказа снова возвращается в деревню. Эти перемещения Димы повторяют траекторию движения Лешки Гусева. В начале рассказа герою в город приходит письмо от матери, затем он едет в деревню, там же и завершается рассказ. Эта сюжетная особенность призвана подчеркнуть неразрывную связь героя с деревней. Мотив возвращения домой у Богомоллова – это духовное восхождение к вершинам нравственности заблудшего сына, понявшего, что единственное его спасение – в возвращении к корням, к отчему дому. Деревня как мир и вечно новая тема.

«Деревенский» контекст рассказов В.Богомоллова проявляется еще и в том, что в них мы найдем многочисленные описания различных промыслов. В «*Глухарином утре*» в мельчайших деталях описана охота на оленей и жизнь оленей вообще. Рассказ «*Неудачный сезон*» повествует об охоте Степана, его зимовье в лесу. Вспомним, в каких подробностях представлен процесс метания стога в рассказе «*FRUCTUS TEMPORUM*». Военное дело воспроизведено в рассказе «*Несостоявшаяся встреча*». В «*Медосборе*» в деталях описаны особенности пчеловодства. В.Богомоллов каждую деталь стремится представить крупным планом, описывает с удивительной художественной точностью. Именно благодаря этому таланту все увиденное автором отчетливо представляет и его читатель.

Таким образом, основная специфика преломления «вечной» для русской литературы темы «город–деревня» в ранней прозе В.Богомоллова состоит в том, что пермский автор, в отличие от многих известных представителей «деревенской» прозы, не разводит мир деревенский и городской, не противопоставляет одно пространство другому. Как раз наоборот. Любимые герои В.Богомоллова чаще всего наделены чертами и деревенского жителя, и

городского, причем, что важно, человек из деревни, попадая в город, не оказывается у него чудиком, как, например, у В.Шукшина. И не выглядит «маленьким человеком» на фоне городского, как у В.Белова. Деревенский человек В.Богомоллова не стыдится своего происхождения и всегда с трепетом в сердце приезжает в деревню. Причем деревня в рассказах В.Богомоллова воспринимается его героем (даже городским человеком) как Дом. Деревня для В.Богомоллова – это понятие не столько географическое, сколько социальное и нравственное, это место, где сходятся весь самый сложный комплекс человеческих отношений. В отличие от В.Белова, писатель рисует деревню как источник духовно-нравственных ценностей, поэтому возвращение в деревню, возвращение в отчий дом для героя всегда целительно. Как образ мира, элемент судьбы, ее исходная точка предстает деревня в художественном сознании В.Богомоллова. И здесь, на наш взгляд, уральский автор ближе всего к таким художникам, как В.Шукшин, Ф.Абрамов, В.Распутин, Н.Рубцов.

С оппозицией город–деревня тесно связана в творчестве В.Богомоллова и еще одна принципиальная для выяснения специфики художественной картины мира писателя антиномия – отцы и дети. Проблема отцов и детей подана как центральная во многих произведениях В.Богомоллова.

С точки зрения преломления «вечной» проблемы интерес представляет рассказ «*FRUCTUS TEMPORUM*», что в переводе означает «плод времени». Примечательно, что проблема отцов и детей вынесена уже в заглавие рассказа. Главный герой рассказа – Колька. Именно он и есть этот самый FRUCTUS TEMPORUM. Колька и его отец Степан не понимают друг друга. Отец обвиняет сына в пьянстве, дармоедстве: «– Ты когда пить-то перестанешь? Че молчишь, как бык на бойне, – глаза его сверкнули недобрым огнем. – Отец изводится, один сено возит, в снегу пурхается, а он за водкой...» [Богомоллов 1987: 163]. Но Колька не чувствует никакой вины: «Ну уж, это он-то дармоед? Ишачит, ишачит, ферму коров кормит. На сто двадцать глоток сена подвозит каждый день. Заработанные деньги все матери приносит. А что выпьет, так на шашках» [там же: 164]. Обиженный Колька выбегает из дому раздетый, пускает коня в галоп. «В этот миг Колька почувствовал себя до того неуютно и одиноко на всем белом свете, что решил – он никому не нужен. Его вдруг осенила мысль: «Повешусь! Все равно – жизнь собачья!» [там же: 165].

Человек нового времени – *FRUCTUS TEMPORUM* – не умеет сдерживать себя, броса-

ется в крайности, не думает, прежде чем что-то сказать. Но автор не испытывает антипатии к этому герою, не презирает его. Рассказ так и называется – *Плод Времени*. Колька не виноват, что он такой. Он просто плод своего времени, и это закономерно.

Столкновение отцов и детей происходит и в рассказе «*Несостоявшаяся встреча*». Здесь это противостояние заканчивается очень печально. Сын Катерины Пономаревой погиб на войне. Ей сообщили, что похоронен Ленка в братской могиле в Калининской области. Катерина, как любящая мать, считает своим долгом съездить на могилу сына, но за всю жизнь ей это так и не удается. Чувствуя на себе огромный грех, однажды Катерина все-таки решает съездить туда, но не может найти того письма, от Лениного командира. «Начала спрашивать у дочерей, но они только отмахивались, видите ли, некогда им было поискать это письмо. Помнили, что было такое, а где оно сейчас, никто не знал. Без этого де забот полно. Такое пренебрежение обижало Катерину» [Богомолов 1987: 87]. Мать, отдавшая всю жизнь своим дочерям, остается без их внимания. Но в этом рассказе автор уже никак не оправдывает молодое поколение. Он осуждает его за безучастность. Кульминацией рассказа являются следующие строчки:

« – Да чего ты нас Леней-то все попрекаешь: Леня да Леня! Прямо надоело уже, терпенья нет, – взорвалась дочь, не на шутку осердясь, и с каким-то злым прищуром, не замечаемым прежде Катериной, бросила в сердцах: – Иди тогда и живи у своего Лени!

Катерина растерялась, посмотрела на нее с испугом. Потом все-таки справилась с собой и сказала дрожащим голосом:

– Скоро уйду» [там же: 114].

Авторская позиция здесь выражена неприкрыто, именно она обуславливает финал произведения. Не выдержав такого отношения детей, мать умирает. Клавдия – дочь Катерины, конечно, чувствует за собой вину, чувствует, что сказала не то, но... назад мать уже не вернешь.

Проблема отцов и детей поднимается и в рассказе «*Медосбор*». Как и в повести В.Распутина «*Прощание с Матерой*», старик живет в деревне, все дети его переехали в город. А город, как правило, стандартизирует личность, и выбраться оттуда уже невозможно, некогда, что нередко горько подчеркивает автор. «Беспокойная душа» у Осипа Егоровича, как пишет В.Богомолов. Поскольку дети долго не давали ему о себе знать, он сам поехал в город: «... И подумалось нерадостно старику: как понять, что чиркнуть в письме две строчки – живы-де, здоровы – заботы их не хватило, вынудили его бросить дела и при-

ехать к ним в горячую пору. А когда вот приехал – ноги моют. Уж не надежда ли это на скорое наследство волокет за собой эту заботу показную? Не фальшивят ли перед ним?» [Богомолов 1989: 37]. Когда Осип Егорович просит внучку купить ему в городе карту Петербурга, она всегда «обещает, а купить забывает»... Не до старика ей, «свою судьбу надо улаживать».

В этом рассказе автор как-то очень обнаженно и жестко показывает не самые лучшие черты молодого поколения: не только расчетливость и лицемерие, но и нередко жестокость. После смерти Осипа Егоровича сын его разоряет пасеку. Это видит сосед Дима: «Дима знал, как относился старик к пасеке своей, как он любил пчел, и разорение пасеки сыном старика показалось ему невероятно редкой для человека жестокостью, от которой покойный Егорыч в гробу наверно перевернулся б, если бы узнал» [там же: 35].

По В.Богомолову, особенности современного противостояния поколений корректирует и определяет сама жизнь. И писатель предлагает свой вариант решения «вечной» темы. Он «разводит» отцов и детей не по принципу «мудрость / отсутствие опыта», как это традиционно принято. Более значимым является для В.Богомолова противопоставление отцов и детей в аспекте нравственном. И молодые здесь чаще проигрывают старикам. Люди пожилые описываются В.Богомоловым, как правило, с любовью, именно в них он видит много доброго, призывает и читателя рассмотреть в них те черты, которые сегодня нередко уже навсегда потеряны.

Рассказы В.А.Богомолова отражают христианский взгляд на мир. Верующие люди в его произведениях – настоящие герои, заслуживающие уважения, и это понятно: действие рассказов протекает, как правило, в богоборческие времена. Автор изображает своего верующего героя в различных ситуациях – переломных, кризисных, в моменты трагические, в минуты горя и раскаяния. И часто именно вера помогает этим людям выжить, спастись, обрести истину. По мнению В.Богомолова, только религия может возродить душу каждого человека в отдельности и всю Россию в целом.

Антиномия «религия – атеизм» (или «вера – безверие») характерна для всей прозы В.Богомолова; обратившись к творчеству любого периода, мы найдем рассказы или повести, где определяющей, а нередко и структурообразующей, предстает именно эта оппозиция. Читателю как бы предлагается возможность рассмотреть ту или иную коллизию с точки зрения верующего человека. Эта точка зрения раскрывается в

первую очередь через высказывания героев. Но очень часто в рассказах можно услышать и голос самого автора, который напрямую прорывается, например в лирических отступлениях, необходимых, чтобы дать оценку какой-либо жизненной ситуации. Такие рассказы, как «Скорбящий ангел», «Поездка на исчезнувшую родину», «Есть на свете река Иордан» и другие, написаны в форме лирического монолога, и противопоставление автором религии и атеизма в них выражено особенно ярко. «Есть на свете река Иордан» – рассказ-размышление о необходимости беречь природу. «Без искренней веры в Бога невозможно вернуть благоговейное отношение к святыне» [Богомолов 2006: 216], – пишет автор. Природа – это святыня – вот главная мысль этого рассказа. Заканчивается произведение такими словами: «...облагороженный пикантной ученостью, изысканный и утонченный (толерантный!) атеизм – есть самая короткая дорога к Апокалипсису» [там же].

Типичным для рассказов В.Богомолова поворотом в развитии сюжета является наказание безбожников или неожиданное (часто под влиянием каких-либо событий) обращение безбожника к вере. В рассказе «Иван да Ольга» неверующий Иван Павлович заканчивает жизнь самоубийством, а Юрка Петров в рассказе «Крик над Грачевкой» пьет водку и устраивает пожар в собственном доме, пытаясь справиться с чертями, которые ему привиделись. Показательной является и ситуация, описанная в рассказе «Безголовый политрук», где на наших глазах человека настигает Божья кара. Во время Великой Отечественной войны у солдата, молящегося перед боем, политрук конфискует икону. Именно в этот момент пролетающий мимо снаряд отрывает ему голову. Герой рассказа «Искушение» Антошка Фролов всерьез задумывается о Боге, когда еле живой лежит на поле боя. Герой спасается – в этом ему помогла вера, которую он, потерявший ноги и зрение, обрел, передвигаясь на вражеской территории в надежде выползти к своим.

Чаще всего герои – носители настоящей веры противостоят у В.Богомолова обществу и резко контрастируют с остальными персонажами. Неверующих героев автор, как правило, наделяет отрицательными качествами, нередко их одолевают всевозможные пороки, в первую очередь пьянство. Достаточно красноречиво противопоставление героев по принципу вера – безверие проявляется и на уровне речевой характеристики. Если атеисты с пренебрежением говорят обо всем, что связано с церковью (например, Юрка Петров называет иконы «облупленными досками» [там же: 41]), то для личности, олицетворя-

ющей веру, характерно такое выражение, как «мил человек» [Богомолов 2006: 42]. Верующий герой у Богомолова, вступая в дискуссию с неверующим, никогда не кричит и не спорит, говорит поучительные вещи: «Бог открывается только святым людям, и то некоторым, очень праведным, а грешники видят чертей» [там же: 216].

В.Богомолов нередко в своем творчестве обращается к теме войны. Большинство его рассказов о войне – духовного содержания, и это закономерно: «Великие войны и битвы, – считает В.Богомолов, – свидетельствовали, что вера в Бога только укрепляет любовь война к Отечеству, и только утвердившаяся после революции 1917 года новая власть России стала почему-то считать наоборот» [Богомолов 2008б: 201]. Эта позиция автора ярко представлена во многих произведениях сборника «Поездка на исчезнувшую родину», но наиболее рельефно, наиболее сильно выражена она в рассказе «Божьи рабы».

Сюжет рассказа чем-то напоминает сюжет кинофильма «Остров» П.Лунгина. Однако поразительное совпадение этих произведений, как мы выяснили в личной беседе с писателем, совершенно случайно. Но тем и показательнее, и симптоматичнее это совпадение. Подобный рассказ не мог не появиться в творчестве В.Богомолова: он удивительно соответствует индивидуальности этого писателя.

В конце Великого поста на исповедь к отцу Евгению пришел явно не церковный человек – Андрей. Он был пьян, но священник не прогнал его, а выслушал не совсем связную, но искреннюю речь. Исповедующийся рассказал, как во время Чеченской войны бросил раненого боевого товарища. Что было с товарищем дальше, Андрей не знает, но убежден, что его убили «духи». На самом же деле, как выяснит читатель позднее, человек этот чудом спасся. Сначала попал в Чеченский плен, а после уничтожения бандформирования смог вернуться на родину и решил стать священником. Отец Евгений – это тот самый чудом спасшийся боец. Но Андрей так никогда и не узнает об этом.

Ни работа, ни семья, ни водка не помогли Андрею забыть совершенное когда-то предательство. «Откладывая и процеживая в разуме своем различные разговоры людей, он понял и уразумел, что церковь, батюшка, исповедь – последняя надежда его» [там же: 104], – этими словами рассказ заканчивается. Очевидно, именно в этих завершающих рассказ словах и заключается его центральная идея, импульсы от которой распространяются по всем линиям повествования, прорываясь в напряженных диалогах его героев.

Автор воссоздает жизнь и судьбу двух людей, которые совершенно разными путями пришли к

Богу. «Но ведь тогда выходит, что все это не просто так, а для чего-то» [Богомолов 2008б: 101], – думал Женька Созанов после возвращения из плена. Андрей же, человек, который «сроду в церкви не бывал» [там же: 92], идет в Храм за избавлением – в надежде освободиться от греха. Он не знает, как нужно вести себя в церкви, но душой чувствует, что исповедь – единственное правильное решение. В связи с этим автор приводит известные в христианском мире слова святого Тертуллиана, который тот сказал про душу: «по природе своей она христианка» [там же: 93]. Святой Тертуллиан хотел сказать, что даже если человек воспитан без веры в Бога, со временем он всегда начинает ее искать, а если человек от Бога отстает, то только потому, что нечто внешнее на него воздействует.

В Православии все верующие люди называют себя рабами Божьими. Богословы утверждают, что слово «раб» в данном контексте не синоним слову «слуга», а признание власти Божией над всеми. Называя так свой рассказ, автор стремился подчеркнуть, что судьбы Андрея и Евгения в равной степени испытали действие Божьего промысла. Если бы Андрей спас своего товарища, в их жизни вряд ли что-то изменилось бы кардинально, и, возможно, ни тот ни другой не пришли бы к вере в Бога. Хотя и в этом случае судьбу этих людей сложно было бы назвать обычной. Человек воевавший всегда знает больше обыкновенного человека. На войне открывается изнанка жизни, в памяти солдат остаются вещи, не дающие покоя до самой смерти, такие, например, как воспоминания Андрея или героя песни Юрия Шевчука «Не стреляй!»: «И когда кто-нибудь вспоминал о войне, / Он топил свою совесть в тяжелом вине...»

Таким образом, антиномию «религия–атеизм» можно назвать одной из самых значимых в творчестве В. Богомолова. Именно отношение человека к вере играет нередко решающую роль при описании героя автором. Конечно, герои В.Богомолова меняются вместе со временем. Если в ранней прозе писателя его герои-атеисты были представителями поколения, «которое в Бога верить не научено» [там же: 90], то в последних сборниках такие герои проповедуют так называемый «толерантный атеизм» (В.Богомолов). Они уже не оскверняют храмы, не сжигают иконы, однако постоянно пытаются найти доказательства того, что Бога нет. По мнению автора, они ничуть не лучше своих «предшественников»: «...изысканный и утонченный (толерантный!) атеизм – есть самая короткая дорога к Апокалипсису» [Богомолов 2006: 216] (рассказ «*Есть на свете река Иордан*»). Изменились и верующие герои В.Богомолова – также в соот-

ветствии со временем. Если в ранних рассказах православные – это, как правило, пожилые люди, чтящие традиции, то в современном творчестве писателя – это люди, пришедшие к вере нелегким путем, нередко ценой мучительных размышлений. Именно так пришла вера к героям рассказа «*Божьи рабы*».

Претерпел эволюцию и стиль автора. При чтении ранних рассказов В.А.Богомолова возникало ощущение, что они были написаны для определенного круга читателей – для верующих людей. Авторская позиция была заявлена здесь достаточно бескомпромиссно. Герои этих рассказов, как правило, противопоставлялись один другому, а из конфликтных ситуаций выходили – в соответствии со своими убеждениями – либо победившими, либо проигравшими. В рассказах зрелого В.Богомолова авторская позиция подается не столь прямолинейно – автор стал более терпим, обрел ценное умение гибко, диалектично оценивать самые разные жизненные ситуации. Не случайно в его рассказах все чаще стали появляться элементы притчи, образы-символы, свидетельствуя об углублении философского начала произведений.

Лев Аннинский так размышляет о современной литературе: «Мне кажется, что сейчас люди снова потянулись к серьезному чтению. Пятнадцать лет был праздник самовыражения, все хотели как-то привлечь внимание... Я думаю, что слово никуда не денется. Слово, я убежден, – это самая емкая форма фиксации духа... Я ни о Викторе Ерофееве, ни о Владимире Сорокине, ни о Викторе Пелевине не сказал ни одного дурного слова. Я считаю, что они пишут, как умеют, но это эпоха такая, когда все ценности спускаются в унитаз. Я оцениваю не то, как писатель справился с творческой задачей, а что означает сам факт появления данной книги в нашей культурной реальности» [Аннинский 2008: 2].

Как бы ни оценивали критики современное состояние нашей литературы, какой бы критерий ни пытались положить в основу ее периодизации, одно несомненно: та ситуация, когда «все ценности спускаются в унитаз», проходит, а возвращается, хочется на это надеяться, время, когда для русского писателя значимость человеческой личности вновь будет измеряться ее нравственно-философским эквивалентом – душой.

О чем бы ни писал В.Богомолов, к каким бы темам ни обращался в своем творчестве, в каких бы жанрах себя ни пробовал, именно душа – то главное, что заставляет его прозу пульсировать, светиться, быть притягательной для читателя. Казалось бы, сам смысл появления этого прозаика в литературе сводится к напоминанию о том,

что такие важнейшие ее качества, как лиризм, присутствие живой души, не покинули русского человека и никогда не покинут. Конечно, произведения В.Богомолова далеко не всегда совершенны. В них нетрудно обнаружить неточные, может быть, даже случайные строки, почувствовать некоторую прямолинейность. Но главное – в творчестве его нет и тени фальши. Проза В.Богомолова подлинна; уходя своими корнями в глубины личностного и народного бытия, она исполнена живой жизни.

С этой особенностью и связано, на наш взгляд, основное своеобразие образа мира В.Богомолова, реализованного через систему художественных антиномий, семантически значимых оппозиций: город – деревня, отцы – дети, вера – безверие¹. Преображенные контекстом современности, преломленные мироощущением автора, эти традиционные вопросы русской литературы зазвучали в творчестве пермского писателя по-новому, получили новые акценты, наполнились новым содержанием. Именно эти векторы художественного мира помогают высветить позицию автора, прояснить его систему ценностей, разглядеть главное в его героях, раскрыть специфику созданного В.Богомоловым образа малой родины, народного характера, выявить особенности национального сознания, воплощенного в его рассказах, – другими словами, воссоздать *уникальность художественного образа мира его произведений*.

Сейчас часто вспоминают одну из последних дневниковых записей, сделанных В.Шукшиным: «Важно прорваться в будущую Россию». Понять,

что именно имел в виду писатель, до сих пор пытаются исследователи и критики. Собственно, каждый из современных художников так или иначе размышляет на эту тему – о том, «быть или не быть России», о том, в какой ипостаси состоится ее будущее. Свой ответ на этот вопрос дает и проза талантливого уральского автора Виталия Богомолова.

Примечание

¹ Помимо отмеченных антиномий в творчестве В.Богомолова можно выделить еще и другие: сакральное и профанное, жизнь и смерть, мужчина и женщина, добро и зло и т.д.

Список литературы

Аннинский Л. Гейзеры оживают под грязью // *Независимая газ.* 2008. 3 апр. С.2.

Белов В. За тремя волоками. М.: Худож. лит., 1989. 528 с.

Богомолов В. Глухариное утро: рассказы. М.: Современник, 1987. 188 с.

Богомолов В. Дороже сказочных земель: рассказы и повесть. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 368 с.

Богомолов В. Душа плачет: избранное. Пермь: Б.и., 2008а. 372 с.

Богомолов В. Молитва из маминого клубочка: рассказы. Пермь: Б.и., 2006. 222 с.

Богомолов В. Старые русские: рассказы. Пермь: Б.и., 2003. 200 с.

Богомолов В. Поездка на исчезнувшую родину: рассказы и повесть. Пермь: Б.и., 2008б. 296 с.

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE PROSE BY VITALY BOGOMOLOV: THE SYSEM OF ART ANTIINOMIES

Svetlana V. Burdina

Professor of Russian Literature Department
Perm State National Research University

Ivan V. Burdin

Student of Roman Philology Department
Perm State National Research University

In the article an attempt is undertaken to analyse the works written by V.Bogomolov, the Perm writer of great originality, in the aspect of the art antinomies. The models of reflection of «eternal» oppositions of Russian literature in the author's short prose are built, their significance, filling and specificity are revealed. New interpretation of the archetype «parents and children» in the stories by V.Bogomolov is regarded as well as the interaction of the traditional and the specific in solving the «eternal» problem of the «city or country». The major opposition, the most important for the artistic world of the stories by V.Bogomolov, which fully reveals the evolution of the author's views and complies with the spiritual space of contemporary Russian literature – «belief and unbelief» is analysed.

Key words: V.Bogomolov; story; «rural prose»; image of the World; art antinomies; archetype; tradition; belief; spirituality.